

Татарская слобода и «Финские шхеры»

Почти сразу же в Петербург хлынули «сыны Азии». Орды татар, калмыков и башкир — вспомогательные войска русской армии — вставали на постой на Городской стороне (Татарская слобода). Потом там поселились работные из татар, черемис, мордвы, ввезенные по указам из Поволжья.¹⁰ В Татарской слободе селились также купцы из персов, индийцев, татар, армян, китайцев.

Особо следует сказать о шведских военнопленных, роль которых в строительстве нашего города велика. Их стало особенно много после Полтавского сражения и Переволочны 1709 г., когда на милость победителей сдались 16 тысяч солдат и офицеров! Все они были вывезены в Россию и распределены по разным городам. Судьба многих из них была печальна. Опасаясь побегов, власти держали их взаперти, в кандалах. Конца войне видно не было, и поэтому часть пленников (особенно из знающих иные, кроме военной, профессии) откликнулась на приглашения русских властей поработать в невоенной сфере, некоторые переходили при желании в православие, женились («естество свое берет») и оказывались подданными России. Но большинство шведов военнопленных все же предпочитало быть верными данной когда-то присяге и вере отцов. Они работали кузнецами,

¹⁰ ПБП. Т. 9, вып. 1. С. 371.

Пожилый турок.
И. Г. Маттарнови. Около 1725

плотниками, строили вместе с русскими купол и шпиль Петропавловского собора, мосты и набережные. Копали землю в Петербурге, Стрельне, Кронштадте. В этой земле их и хоронили — как сказано выше, из партии пленных, пригнанной в Петербург в 1712 г., к концу Северной войны выжила половина. В 1721 г. был заключен Ништадтский мир, согласно статьям которого производился обмен военнопленными. Однако русские власти затягивали эту процедуру. Сенат тайне постановил в первую очередь отвести в Ништадт для передачи шведским представителям 112 человек из «больных, которых не вылечить» (потом их стало 120 чел.), поскольку «за дряхлостью и за старостью оным служить не можно».¹¹ Остальных, работоспособных, решили до времени придержать.

Те же, кто перешел в православие, право на отъезд потеряли навсегда. Оно осталось только за пленными, веру не менявшими. Поэтому не случайно в их челобитных об освобождении мы читаем: «А я, низжайший, в бытность здесь не крестился, а родина моя в Стекгольме».¹² Таких со скрипом, но все же отпускали. Об этом вышло особое постановление Сената 13 сентября 1721 г. Режим строгого караула для них был отменен, шведов разрешили содержать «уже под свободным караулом»¹³ (одна из типичных «формул русской свободы», как и две другие: «вольный с паспортом» и «свободный без выезда»).

Несколько слов о местном населении. Представлять себе дело так, что Ингерманландия в результате русского завоевания обезлюдела, нельзя. Окрестности города, в том числе Купчино, Волково, побережье Невы, Ижорская возвышенность и другие места, были территорией обитания ижорцев, финнов, хотя смена населения из-за постоянного притока русских переселенцев шла быстро.¹⁴ В 1724 г. власти считали, что в Копорском, Ямбургском и Шлиссельбургском уездах был 4301 двор местных

¹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 16а. Л. 78—80.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 266. Л. 423.

¹³ Там же. Л. 424.

¹⁴ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 19.

жителей или примерно 16—20 тысяч человек (не учитывая переселенных русских крестьян).¹⁵ Да и в Петербурге финнов было много — они селились на Адмиралтейском острове («Финские шхеры»). Словом, в петровский период на улицах Петербурга слышалась не только немецкая, голландская, греческая, русская, но и финская речь.